Через несколько дней после первого поединка с Неджи Хьюгой я вернулся в резиденцию своего клана, мой разум медленно адаптировался к несколько иному ритму занятий.

Не теряя времени, я прошел во внутренний двор, где разбил сад, в котором мне легче давалась ошеломляющая медитация: здесь не было ни тренировочных стоек, ни камней, которые нужно было поднимать. Только плоская, речная галька, которой была выложена дорожка к дубу, под которым я обычно сидел.

Я поднял с земли лист и зажал его между сомкнутыми ладонями.

Погружаясь в себя, я потянулся к низу живота, визуализируя крошечный уголек. Я мысленно перенесся в пустыню. Сильный жар солнца, которое теперь не щадило. Абсолютная сухость воздуха, палящий жар вулкана, успокаивающее тепло походного костра.

Голод первых трех дней, проведенных в этой моей новой жизни, когда я продолжал видеть кровь, которую смывал с полов, и моя собственная жажда власти. Потребность расти. Ярость от беспредельного насилия, которым был пронизан этот мир, в котором я оказался.

Ощущение жжения в мышцах посреди тренировки, палящий жар от ударов Неджи по моей плоти.

С тихим "Вуш" лист в моих руках превратился в пепел.

Я поморщился от ощущения жара на ладонях и слегка встряхнул их, чтобы рассеять легкую боль.

Среди вещей погибшего клана Учиха я нашел настоящую гору информации. Первый шаг изменения природы огня среди них (не менее чем в двенадцати различных журналах). Подход каждого из моих соклановцев отличался в мелочах, но в итоге, чтобы изменить природу чакры, нужно было просто согласовать ощущения в нутре с ощущениями в голове после выбора элемента.

Первый шаг к превращению нейтральной чакры в чакру с огненной природой заключался в том, чтобы подержать лист горящим в течение пяти минут при постоянной температуре. Излишне говорить, что это требовало ошеломляющего контроля. Исходя из моих метапознаний и информации, которую я свободно стащил с территории моего клана, я подозревал, что могу грубо ускорить процесс, извергая огненные шары в озеро.

Учитывая отсутствие присмотра взрослых и мое твердое желание не сгореть заживо, я выбрал более медленный путь.

Я снова закрыл глаза и сосредоточился.

На этот раз я почувствовал изменения более легко: моя нейтральная чакра стала горячее и поднималась вверх от живота, ища свежего воздуха для потребления. Осторожно и медленно я контролировал выход, сжимая огонь так, что единственным направлением, куда он мог расти, были мои руки. Он достиг моих ладоней, и лист начал шипеть.

Через некоторое время я разжал руки, не отпуская этого ощущения, и мои ладони стали

вишнево-красными, с тлеющими остатками листа на них.

Улыбнувшись, я заглушил чакру Катона[1]. Достаточно хорошо.

Уроки следующего года были такими же скучными, как и предыдущего, даже если упражнения по контролю чакры хотя бы давали мне что-то интересное, пока учитель рассказывал бессмысленные части истории Стихийных Наций, в которых подчеркивалось, что без супер-мега гения Хаширамы Сенджу, нашего первого Каге, мир был бы ужасным местом.

Я выучил то, что от меня хотели, не утруждая себя попытками подтасовать результаты экзаменов. Я был более чем уверен, что везде есть скрытые тесты, и, честно говоря, с тем количеством усилий, которые мне пришлось бы потратить, чтобы найти и обмануть эти секретные экзамены... было гораздо проще и менее напряженно выполнять задания наилучшим образом.

Конечно, когда дело дошло до открытых вопросов вроде — Что для вас такое Воля Огня? — я сильно сокращал все свои мысли. Я, конечно, мог оценить всю пропагандистскую мощь "Воли [Тут можно подставить название любой страны]", в конце концов, я не сомневался, что у Ива[2] была каменная воля или что-то в этом роде. Однако я также знал разницу между борьбой только за себя или за что-то большее, за то, что стоило больше, чем одна человеческая жизнь, за цель, более обширную, чем может охватить одно существование. человеческая жизнь, цель, превосходящая то, что может охватить одно существование.

В моем первом мире все рано или поздно должны были умереть, и в этом не было ничего странного. Здесь, в Стихийны Нациях, было несколько способов, с помощью которых кто-то мог пережить натиск времени, но смысл был не в том, чтобы существовать вечно, а в том, чтобы жить столько, сколько я хочу. Поэтому, когда открытые вопросы заставляли меня инстинктивно пренебрегать добрым именем любой Скрытой деревни или исторической личности, я сосредоточился на том, ради чего, по моему мнению, стоит жить и умереть.

В конце концов, ни один человек не мог спасти всех. Потому что любой угнетатель, от бандита до лорда, в силу обстоятельств процветал за счет чужой боли. Я сильно сомневался, что бандиты отправились в первый день своей жизни с целью убивать торговцев и красть их товары. Гораздо более вероятно, что у них либо не было другого выбора, либо вандализм был наиболее привлекательным решением.

Лучшее, на что мог рассчитывать человек, - это защищать своих близких. Но знание того, что кто-то заботится о ком-то еще, означало, что причинение вреда другому, неважно кому, ранит всех его друзей, возлюбленных и так далее. Парадоксально, но лучшим способом помочь большому количеству людей было введение политики за политикой, медленно, но верно изменяя цивилизованный мир в нечто, заботящееся о каждом человеке.

Но этого нельзя достичь за одну жизнь, и это не должно быть навязано одной волей, иначе результат был бы извращен и уничтожен, как только умер тот, кто диктовал изменения. Мое доказательство? Хаширама изменил мир так, как хотел, потому что он был настолько чертовски силен, что на самом деле не было возможности сказать "нет". И как только он умер, биджу, которые он отдал в знак своих добрых намерений, были превращены в живое оружие массового уничтожения.

Воля Огня была ничем иным, как попыткой Конохагакуре но Сато заставить свое население в какой-то мере следовать воле Хаширамы. По крайней мере, вначале.

Если бы я хотел быть драматичным, то любая "Воля чего бы то ни было" была просто способом показать людям, что в жизни есть нечто большее, чем пустое выживание. Больше, чем жить и умереть бессмысленным головорезом на чьем-то чужом пути.

Затем я вспомнил уроки о Великом "случайном герое Листа" и "трусливом случайном парне не из Листа", и мои мысли приняли более мрачный оборот.

Тем не менее, я отвечал на вопросы, продолжал играть с Ли, который мне в какой-то степени нравился, помогал ему с учебой и разжигал соперничество между мной и Неджи. Это не было соперничеством, подогреваемым бессильной яростью, нет, вся ярость Неджи была припасена для его семьи, он просто уважал, что я могу бросить ему вызов. Конечно, потребовалась неделя или две, прежде чем его видение мира адаптировалось, чтобы принять меня как равного.

По крайней мере, тревожащая фанатичность была в основном поровну разделена между мной и Неджи.

В конце учебного года мы с Неджи были лучшими в классе с отличными оценками, в то время как у Ли были средние оценки.

После лета, которое я в основном провел, тренируясь в одиночку и с Ли, чья точность метания оружия росла не по дням, а по часам, мне удалось поддерживать огонь на листе в течение пяти минут подряд, не превращая его в пепел. И я знал, что как только достигну равновесия, я смогу поддерживать огонь листа до тех пор, пока у меня есть чакра.

Как только мы вернулись в Академию, меня ждал еще один сюрприз.

Мне было восемь лет, Неджи - девять, и мы оба сидели с десятилетними учениками.

Я опережал события на целых два года. Могу ли я продолжать? Чем быстрее я получу реальные навыки, которые, я уверен, пригодятся в реальной жизни, тем быстрее я смогу унести задницу из Конохи. Осталось не так уж много лет до того, как начнется дерьмо.

[1] Катон - одно из базовых свойств чакры, основанное на манипуляции огнём (). Оно используется для превращения чакры в лёгких и дыхательных путях в огонь, который затем извергается изо рта пользователя для нанесения урона оппонентам.

[2] Ивагаку́ре но Са́то - оно же Ива — Какурезато. Инфраструктура деревни построена преимущественно из окружающих скал и камней, сформированных в башнеобразные структуры, которые связаны между собой сетью мостов.

http://tl.rulate.ru/book/91989/2987046